

У поэтов, родившихся в середине прошлого века, был сложный путь.

Жизни у поэтов всегда непростые, шершавые; это только обложки их ЖЗЛ-овских биографий гладкие, хоть щекой трись.

Речь о другой сложности.

Это поколение родилось тогда, когда все важные поэтические открытия были уже сделаны. Вторая половина века лишь подправляла и модифицировала первую.

Русские поэты, родившиеся в середине прошлого века, должны были прорасти не только сквозь подушку позднесоветского безвременья. Ещё тяжелее давила на них поэзия первой половины века.

Немногим удавалось найти свой голос, ещё меньшим — сделать его слышным.

Подушка прошлого была жёсткой: под ней лежал томик Лорки, томик Ахматовой, и сама она была набита машинописным самиздатом.

Подушка безвременья была мягкой и душной: она пахла плацкартом, больницей и ещё чем-то казённым.

На советских окраинах толщина её возрастала, и голос глож в слоях куриного пера.

«Вы не представляете, какой убогостью были, например, 80-е годы», — заметил в одном интервью поэт Виталий Пуханов. Имелась в виду именно поэзия.

В обсуждении на интернет-странице Пуханова с ним не согласился Артём Тасалов.

«Поэты были сильно разрознены, но были. <...> Во Фрунзе была сильная группа. Могу сказать только два имени: Игорь Бухбиндер и Василий Бетехтин — все умерли до 40. Просто 80-е ещё не собирал никто как следует».

Названный в этой реплике Василий Бетехтин родился в 1951 году.

Если бы это был документальный фильм о Бетехтине, здесь бы должна была бы появиться его фотография и прозвучать стихи.

Фотография помещена выше, а стихи — вот.

Какое небо! —

Глубы серых туч.

Гранит летучий — тучи, тучи, тучи...

А я внизу — под синтетической рубашкой,

Под белой скорлупой, и скоро хлынет дождь...

В этом коротком стихотворении, которое помечено 1973 годом (поэту — 22 года), почти весь дальнейший Бетехтин.

Первые две строки — слепок романтической традиции, в её позднем, «сельвинском», изводе.

И следом — неожиданная «синтетическая рубашка», которая в последней строке снова возвращается в стихию поэзии, сравненная с «белой скорлупой». И — романтическая кода: «...и скоро хлынет дождь».

Это стихотворение стоит в начале подборки стихов Бетехтина, вышедшей в 1980 году во Пскове в самиздатовском альманахе «Майя».

Насколько можно судить — единственная прижизненная публикация поэта.

Там же — краткая биография Бетехтина, написанная составителем сборника Мирославом Андреевым. Последнее её предложение — «Живёт во Фрунзе» — судя по всему, не совсем точно. Он жил не в самом Фрунзе, а в селе Беловодском, недалеко от города. Затем переехал в Токмак, чуть подальше. (Кстати, в Токмаке в семидесятые жил и учился в местной школе будущий философ «постмодерной волны» Александр Секацкий. Бывают странные сближенья...)

Предваряющие подборку воспоминания — почти всё, что о нём известно.

О его поэтической генеалогии известно больше: она просвечивает в его стихах.

О море утром! Как прекрасная горбунья

Кувшины ветра полные несёт —

*Считается синий воздух новолуныя,
И сонной рыбой бьётся небосвод.*

К уже упомянутым романтикам можно добавить раннего Пастернака. Особенно в другом «морском» стихотворении Бетехтина. Вообще, в псковской подборке — много стихов о море...

*Стучала плащом жесткокрылым, зелёным,
А ветер от моря до моря идёт.
Где слабые тучи, где шорох пелёнок
Шарахнет и стихнет — апрель, водомёт.*

*И в радугу звона листва — зеленее,
Касаясь ладоней, как вспыхнувший взгляд, —
Прозрачный троллейбус, волос возмущенье, —
Срываются с места и стаей летят.*

Нагнетание — до физически ощутимого пневматического шума — метафор, их столпотворение, диффузия и метаморфозы.

Это позднее эхо того взрыва образности, той радикализации романтического символизма, который случился в десятилетия двадцатых годов прошлого века и породил в Германии экспрессионизм, а в России — раннего Маяковского, раннего Пастернака, раннего Заболоцкого, раннего Сельвинского и всю Цветаеву. Затем лет на тридцать этот взрыв был заглушен неоклассикой, чтобы в 70–80-е быть прочитанным, понятым и востребованным тогдашними двадцати-тридцатилетними. Поэты этого поколения играли метафорами, как бисером, и уходили в этот поздний экспрессионизм, как во внутреннюю Касталию.

В наиболее известном и смелом варианте это дало метареализм — Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Александра Ерёмченко... («Поэзия той реальности, которая спрятана внутри метафоры и объединяет её разросшиеся значения — прямое и переносное», как когда-то определил метареализм Михаил Эпштейн). Или Андрея Таврова, например. В более «акмеизированном» — стихи других ровесников Бетехтина: Ирины Ермаковой, Бахыта Кенжеева, Владимира Гандельсмана.

Но я, кажется, затеоретизировался.

Любой «групповой снимок» поэтов неизбежно получается смазанным, а прочерченные литературоведческим лекалом тенденции — нечёткими. Да и вообще... «Не сравнивай: живущий несравним». Умерший — тем более.

*Подуй на солнце — станет горячо.
А ты и сам, мой листик бледнолицый,
летишь свечой, горишь, дымишь ещё —
под ноги, где разгуливают птицы.
Как длинноноги их следы-сады!
Но что же в воздухе они про нас напишут?
Темна беда воды, вода беды,
и машут хрипыми крылами крыши.*

Хотелось бы ещё немного сказать о месте — о Киргизии, где жил и писал Бетехтин. В сохранившихся стихах — не обнаружил. Есть море, есть Алтай. Намёк на Киргизию — лишь в строчках: «И в пустоте, капелью клёванной, / Не иероглиф — карагач». (Много во Фрунзе — нынешнем Бишкеке — и окрестностях карагачей). Возможно, в других стихах Бетехтина киргизского больше. Но где эти — другие — стихи? Найти бы.

Отчего погиб Бетехтин — неизвестно. Подозревали самоубийство. По словам вдовы: «дали чем-то по голове».

Плохо, когда поэтов бьют по голове: не для этого они задуманы.

Как бы писал Бетехтин, доживи он до нашего сегодня, с разливами интернет-поэзии, шумом поэтических фестивалей и убийственной лёгкостью напечататься, выплеснуться, выкрикнуться?..

Не знаю. Возможно, продолжал бы и дальше жить и писать в Киргизии — как живёт и пишет ещё один его незаурядный ровесник, Вячеслав Шаповалов. Либо замолчал, как замолкали многие поэты, перегоревшие вольфрамовой нитью в молодости.

*Последняя стая сплетает на небе венок,
Последние ливни горят на тропинках Алтая.
Не я забываю твоё молодое вино, —
меня забывают.*

Хотелось этим катреном завершить — с одним лишь уточнением. Не забываем. Помним.